

ПЕСНЯ РЕБЁНКА

Запели «Символ веры». В хоре взрослых вдруг громко загулил младенец: «А-а-гу-у-у!». Я повернулась в звук детского голоса. На руках у мужчины сидела прехорошенькая полуторагодовалая девочка: пухлые розовые щёчки, на белом фарфоровом личике живо блестели чёрные круглые глазёнки. Из-под кружевной косынки выбивались тёмные прядки. Девочка с интересом поглядывала на окружающих и старательно подпевала им на своём младенческом языке: «А-а-у! В-у-у!». Клубничного цвета губки трогательно округлились и вытягивались. Высокий, спортивного вида мужчина держал девочку на руках, время от времени посматривая на неё с пристальной нежностью, любуясь её младенческой красотой. Я прислушалась – мужчина уверенно пел слова молитвы красивым баритом: «Рожденна, несотворенна, единосущна Отцу, им же вся быша...» Знает, значит, давно ходит, не новичок здесь.

Девочка так беззаботно и радостно чувствовала себя в сильных руках отца. Она весело болтала ножками, обутыми в крошечные красные туфельки, вертела головкой, клала её на плечо отцу, обхватывая шею маленькими ручками. А отец будто боялся оторваться от дочери, ни на секунду не опускал на пол. Держал так, словно навсегда хотел защитить от всех насто-

ящих и будущих напастей и невзгод. «У нас в искусстве так много образов женщин с ребёнком. А почему нет образа любящего отца с маленькой дочерью, этот образ не менее сильный», – думала я, глядя на него. Нельзя было не ощутить, как глубоки его чувства, что он всецело находился во власти любви к маленькой дочери.

И я знала этого мужчину. Ещё студентом.

107 Был он хорош собой, спортивен. Каждый год я его видела на базе отдыха, рядом с которой у его родителей была дача. Он входил во все сборные команды по всем видам спорта. Вечерами сборные выпивали и веселились. И год от года выпивки становились всё обильнее, а веселье – брутальнее. Потом уже каждый вечер он появлялся на базе пьяный с какой-нибудь очередной подругой. Ухватив её за шею, он, шатаясь, таскался с ней от компании к компании. Потом попал в автомобильную аварию, в которой погибло несколько человек. Он выжил. Ходил на костылях с загипсованными ногами, с болтом в бедре.

Царские врата открылись.

«Верую и исповедаю, яко ты еси воистину Христос, сын Бога живаго, пришедший в мир грешные спасти...»

Мужчина понёс дочь к чаше со Святыми Дарами.

«ЖАР-ПТИЦА»

Бабушка в цветастом платке долго выбирает конфеты:

– А эти по пятьдесят рублей?

Продавщица:

– Они по пятьсот рублей, пятьдесят рублей – сто грамм.

– Ой, батюшки!

– У нас и по восемьсот рублей есть, – с гордостью сказала продавщица.

– Энто какие?

– Вот, «Жар-птица» называются.

– Их чё, берут?

– Берут. Именно бабушки берут.

– Они чё? Сдурели?!

Продавщица смеётся.

– Не знаю. Молодые как-то не берут, а вот бабушки берут. А что? С собой, что ли, эти деньги уносить? Хоть побаловать себя в старости.

– Ну если так. Мы всю жись ничё не кушали, вот хушь щас маленько покушать. Съисть энту «Жар-птицу» напоследок да и помереть.

ТРИ РУБЛЯ

Мы с другом детства Женькой Мармута недалеко от сельского магазина нашли три рубля. По тому времени это немаленькие деньги. Пенсия у моей бабушки была двенадцать рублей. А для детей такая сумма и вовсе сокровище. Пятнадцать-двадцать копеек на мороженое – самое большое, на что могли рассчитывать дети.

Мы долго ходили вокруг магазина и спрашивали у встречных:

– Вы не знаете, кто потерял три рубля? Вы не теряли три рубля?

Владельцы денег не находились, и кто-то из взрослых посоветовал нам отнести их в магазин и отдать продавщице, а та уж потом отдаст тому, кто потерял. Мы так и сделали. Этот честный поступок наполнил нас чувством гордости, радости за то, что мы избежали соблазна и не присвоили себе эти деньги. Не помню, о чём мы болтали, – а болтали мы с Женькой всегда без умолку – сохранилось лишь чувство необыкновенной лёгкости, полёта.

Через какое-то время, очень скоро, нашёлся владелец денег. Ему сказали, что деньги принесли в магазин дети. Нас как-то быстро нашли – в посёлке все всех знали – и представили пред очи потрёпанного мужичка.

– Подождите, сейчас вам конфеток куплю, – сказал довольный мужичонка.

Очередь в магазине была длинная, как и всегда в день полочки. Мы долго маялись в ожидании, околачивались у окна, выходили на улицу, кружили вокруг магазина.

– Не уходите, обождите, – просил нас мужичок.

Нет-нет, мы готовы были получить заслуженную награду.

Через час томительного ожидания мужичок вынес из магазина большой кулёк конфет. Мы просто растаяли от предвкушения. Мужичок присел перед нами, извлёк из кулёка несколько конфет, сунул нам в ладошки... по три дешёвых карамельки и ушёл с тяжёлым кульком. Карамель мы считали не то что «недоконфетами», но уж явно не годящимися в качестве награды.

Лучше бы он не нашёлся, этот мужичок, и не омрачил радость от нашей честности человеческой скарედностью.

«ИЩУ БЕЛУЮ ШЛЯПКУ»

На пятом курсе к нам подселили третьекурницу Наталью. Приятная, небольшого роста, округлая, с аккуратными каштановыми кудряшками, белолицая, с открытой белозубой улыбкой. Из тех, что очень должна нравиться. Мужчинам. Но нечто настораживало меня в ней, выразить я это внятно не могла.

Друг Сергей приезжал к ней из Стрижевого. Старше её лет на шесть, красивый, брюнет с большими тёмными глазами, густыми длинными ресницами, придающими его взгляду чарующий шарм. Невысокий, ладно сложенный, хорошо одетый. Внешность мужественная и романтическая. У них уже всё было решено. Летом они готовились сыграть свадьбу.

Было у меня в молодости глупое убеждение, что серьёзные красивые мужчины должны влюбляться в умных, достойных и чистых женщин. Пусть и некрасивых, но с сияющими, как у Мэри Болконской, глазами. Ну да, Наташка смазливая, лёгкая, но поверхностная, не то что... я. И я бы в такого парня влюбилась, и замуж за него пошла, и верной женой была.

Они с ним «жили», то есть были в близких отношениях – пугающее и влекущее по тем временам и настроениям слово. Сергей возил её летом... сейчас-сейчас произнесу это диковинное и манящее, сладко катающееся на языке название черноморского курорта – Гудаута. Слово так чудесно звучало. Я вполуха слушала о её

108

рассказах про поездку, вполглаза смотрела на плохого качества фотографии обнажённой Наташи, сделанные женихом, — не откровенные, скромные. Я слушала шум моря, следила за пробегающими тёплыми волнами.

Ближе к лету он слал ей телеграммы: «Ищу белую шляпку в СДМ». Она смеясь, показывала нам эти телеграммы

— Что такое СДМ? — спрашивали мы.

— Салон для молодожёнов, — игриво отвечала она.

Наталья посылала ему такие же телеграммы: «Туфли с бантиком зпт Каблук десять см».

За неделю до конца сессии некоторые девчонки из нашей комнаты уехали на каникулы, мы остались вдвоём с подружкой Любой, ну и Наташа с нами. Как-то вечером, зайдя в комнату, мы увидели её сидящей на кровати с юным красивым длинноволосым мальчиком. Наташа быстро поднялась, освободившись от руки паренька, обнимавшей её за плечи. Нам стало неловко. Мы прятали от неё глаза. Она же улыбалась и радовалась без тени смущения. На лице крупными буквами было написано: «Вот! Какого красавчика я отхватила!»

А потом она попросила нас:

— Девчонки, вы не могли бы сегодня переночевать у Нелли в пятьсот двадцать девятой комнате? 109

Так она, видимо, решила попроситься со своей незамужней жизнью, а может, почин положить, её намерений доподлинно не узнали.

Я сначала хотела отказаться идти ночевать к подружке в соседнюю комнату, чтобы спасти честь Сергея. Я так и сказала Любе.

— Нет, не пойду.

А какие аргументы я могла предъявить? Или провести с ней воспитательную беседу? Или уточнить: не забыла ли она про свадьбу? И почему это я должна стоять на страже чести Сергея?

Мы переночевали в пятьсот двадцать девятой комнате.

А свадьба в Стрижевом, как нам рассказала сама Наташа, была весёлая, раздольная.

И невеста в белоснежной кружевной шляпке цеголяла. С фатой.

КОРИЧНЕВАЯ ПУГОВКА

Эту песню про коричневую пуговку я услышала в детстве от своего двоюродного брата Сергея Кулешова. Каждое лето он приезжал в наши края на каникулы из города Каменска-

Уральского. Мы вновь и вновь просили Сергея спеть её нам. Он, не заставляя долго уговаривать себя, с серьёзностью и сосредоточенностью пел негромким чистым мальчишеским голосом. Сергею она тоже очень нравилась.

*Коричневая пуговка валялась на дороге,
Никто не поднимал её с коричневой пыли,
Но мимо по дороге
Прошли босые ноги,
Босые, загорелые, протопали-прошли.*

*Ребята шли гурьбою от западной станицы,
А сзади шёл Алёшка и больше всех пылил.
Нечаянно иль нарочно,
И сам не зная точно,
На маленькую пуговку Алёшка наступил.*

*Он поднял эту пуговку и взял её с собою
И вдруг увидел буквы нерусские на ней.
К начальнику заставы
Ребята всей гурьбою
Бегут-бегут тропинками
Скорей, скорей, скорей!*

*«Докладывай всё точно, — сказал начальник
строго*

*И карту пред собою зелёную открыл, —
Вблизи какой станицы
И на какой дороге
На маленькую пуговку Алёшка наступил?»*

*Четыре дня искали бойцы по всем тропинкам,
Четыре дня искали,
Забыв еду и сон.
На пятый повстречали
седого незнакомца
И строго осмотрели его со всех сторон.*

*А пуговки-то нету у левого кармана,
И шиты не по-русски широкие штаны.
А в глубине кармана —
Патроны от нагана
И карта укреплений советской стороны.*

*И так шпион был пойман у самой у границы —
Никто на нашу землю не ступит, не пройдёт.
В Алёшкиной коллекции
Та пуговка хранится,
Ему за эту пуговку везде большой почёт.*

Ни одна песня детства не производила на меня такого сильного впечатления, как «Коричневая пуговка». Детектив и приключение в одной

песне. Всю нелепость её сюжета я оценила много позже: шпион в нерусских штанах с карманами, полными патронов и карт, несколько дней разгуливает вдоль советской границы и где-то на тропинке встретился с пограничниками. Он вроде даже не собирался избегать этой встречи.

Но это всё потом, потом. А тогда на глаза были надеты чудесные, «закрывающие все нелепости» линзы.

Жмурясь от солнца, жарким летним днём я бегу за Алёшкой по горячей пыльной дороге. Я вижу облупленные носы мальчишек, выгоревшие волосы, огрубевшие пятки. И вот он поднял эту пуговку. Мы обступили Алёшку и внимательно вглядываемся в буквы. Алёшка первым всё понял. «Бежим на заставу!» – крикнул он. И мы со всех ног мчимся сообщать очень важную весть. Усталый командир вдруг необыкновенно оживился, взволновался, взглянув на странную пуговицу. Он рассматривал её, время от времени бросая на нас одобрительные... нет, восхищённые взгляды! И вот загрохотали сапоги, защёлкали затворы ружей, в нетерпении заскулили и залаяли собаки. Гимнастёрки пограничников ловко схвачены на талиях широкими кожаными ремнями с медной бляшкой. Огромные рыжие овчарки, развесив языки и приплясывая, натягивают поводки. Отряды пограничников разбегаются вдоль границы.

А мы – в напряжённом ожидании, и всё вспоминаем, удивляемся, как это Алёшка смог разглядеть в пыли маленькую пуговку. И наконец, в награду нам разрешили посмотреть на пойманного шпиона. Как я и представляла, у него холёное злое нерусское лицо. Мне его ни капельки не жалко – нечего наши границы переходить и шпионить.

А Алёшка пуговку свою кому хочешь даёт посмотреть. И я потом несколько раз ещё видела её и даже в руках держала.

Молодцы наши! Взяли шпиона. Но главное – Алёшка, если бы не его бдительность, ушёл бы шпион.

И такое радостное удовлетворение охватывало меня после этой песни! Будто и я вместе с Алёшкой совершила подвиг на благо Родине.

КОЖАНАЯ РОЗА

Я не поднимала взгляд выше тёмно-синей юбки, я не могла его оторвать от чёрных остроносых туфелек на высоком тонком каблукке. Носочки туфелек были украшены элегантной небольшой розой из тонкой кожи. Кожаная роза как

магнит притягивала моё внимание. Она с таким невыразимым изяществом красовалась на узких туфельках. Женщина в этих необыкновенных туфельках стояла передо мной на передней площадке автобуса. Я так и не посмотрела на неё, следила за передвижениями её ног. Тугие лепестки розы отливали чёрным глянцем, под ней мягко лежали венчиком резные листики. Мне хотелось просто не отрываясь смотреть на неё. Почему меня так загипнотизировала эта роза? Почему что-то так сладко ноет внутри при взгляде на эту розу? Я понимала, что за этим что-то есть. Ведь не туфлями же я восхищаюсь, хотя туфельки красивые. Сейчас, сейчас я вспомню что-то важное, может, даже чудесное, связанное с этой чёрной розой из кожи. Но даже если и не вспомню – пусть она подольше не выходит, чтобы смотреть на прелестную розу и длить это странное, необъяснимое предвкушение.

Сначала я подумала о кремовой розе на бисквитном торте – нечастой сладости моего детства. Торт в исключительно праздничных случаях привозили из города, где делали на заказ. Нет, ту жирную розу мне не хотелось есть. Её приторно-маслянистый вкус вызывал просто тошнотворный эффект.

Вожделенным был сам насыщенно-жёлтый воздушный бисквит. Нет, не бисквитный торт.

Может быть, тогда чёрная роза на шляпке у какого-нибудь дорого мне человека? Нет. Шляпки с розами в моём детстве были экзотической редкостью. Никто из близких их никогда не носил.

Может, дело в цвете, пропорциях, в этих сочетаниях оттенков тугого чёрного блеска, в её плотной сердцевине, в блаженном ощупывании глазом нежной тонкой кожи, преображённой в цветок, кажется, готовый вот-вот ожить?

Возможно, кожаная роза – деталь недоступного влекущего мира элегантных дорогих вещей? Там витают изысканные ароматы духов и вин, звенят и блестят драгоценными украшениями, кутаются в нежные меха. Нет, это игры взрослых. Роза же затрагивала какие-то глубинные, уходящие в младенческие годы пласты памяти.

Бывает же такая странность: вырастёт в память некая деталь, образ, картинка, порой и не знаешь, почему сознание зацепило её и не отпускает, лелеет как драгоценность.

В детстве мы с сестрёнкой любили рассматривать картинки из Большой советской энциклопедии. И там я нашла одну, которая влекла меня с непреодолимой силой. Вновь и вновь я

открывала большой чёрный том энциклопедии и неотрывно смотрела на неё. Она мне вспоминается сейчас в блекло-фиолетовых тонах. Там был водопад и зеркальная гладь воды, по которой плавали лебеди, много-много цветов, деревья. Может быть, фонтан, но может, и нет. И ещё мраморная скульптура то ли амурчика, то ли путти. Больше ничего не помню. У меня возникало ощущение, что это картинка-видение впускала что-то сказочное в обыденную жизнь. Я смотрела на неё, и мне казалось, что она предвосхищает какие-то будущие счастливые события и встречи в моей взрослой жизни. Это райское место, в котором я то ли была, то ли буду. Оно прекрасное и чистое, как непрестанно струящиеся воды источника. Сейчас я могла бы найти эту страничку в Большой советской энциклопедии, но не хочу. Наверняка это какая-нибудь слащавая картинка в дурном полиграфическом исполнении, с тяжёлым контрастом и грубыми цветовыми сочетаниями...

Туфельки простучали к выходу, спустились по ступенькам – и исчезли.

В этот день я ещё несколько раз с приятным чувством вспоминала кожаную розу, а потом забыла про неё – надолго. Думала, что навсегда.

Но через два года в памяти без всяких поводов и причин вновь всплыла эта кожаная роза, всплыла именно потому, что я вспомнила, откуда шло это чувство сладкого предвкушения. В сознании моём вспыхнула разгадка – действительно: торт из моего детства! Но не бисквитный, а шоколадный. Он был привезён папой из Москвы. Вот он стоит на столе, большой, залитый шоколадом, будто лакированный, а по углам его и в центре – эти маленькие, изящные, отливающие чёрно-коричневым гляncем шоколадные розы с таким же венчиком из резных листьев вокруг бутона. Невиданная прежде для нашего немудрящего сельского быта кондитерская эстетика!

Но дело было вовсе и не в кондитерских изысках. Чудесный торт являлся как бы вестью и знаком другого мира, где все вещи изящны, красивы, в полном соответствии с самим тортом. Разве можно чай с таким тортом пить из гранёных стаканов или эмалированных кружек? Да и люди разве могут в этом мире, где едят такие торты, быть злыми или угрюмыми. Это невозможно представить!

Если торт так прекрасен на вид, то каков же он на вкус? И не кощунством ли будет всё это есть. Если есть очень торжественно, всем вме-

сте, осознавая каждый миг, какое важное событие происходит за столом. Однако вкус торта не чисто стёрся из моей памяти – вижу целый нетронутый торт, а как мы его резали и ели, не помню.

В который раз уже я убедилась в правоте философской мудрости: предвкушение лучше обладания, потому что в первом никогда нет разочарования, а во втором оно бывает почти всегда.

ПОДРУГА ЮНОСТИ

С Раисой я не виделась двадцать лет.

Запомнила я её сразу же, при первой встрече в общежитии медицинского института. Огненно-рыжий хвост, непослушные прядки над ушами, брызги веснушек. Тонкие лягушачьи губы под крупным носом мгновенно растягивались в улыбку на пол лица, открывая большие ровные зубы. Когда губы смыкались, улыбка продолжала сиять в бледно-голубых глазах, веснушках, готовая в любой момент вновь явиться на лице. Смех Раисы был чем-то необыкновенным: звонким, похожим на весёлое частое жеребячье ржание. Если ей было совсем весело, она, разразившись переливчатым ржанием, резко откидывалась назад, сгибала одну коленку и делала отмашку рукой, как бы прося пощадить и перестать её смешить. Заслышав это ржание, невольно подключались к нему, каждый на свой манер. Её серьёзный вид казался напускным и ненастоящим. Говорила она, водя перед собой рукой, будто отгоняя какую-то невидимую пылинку, плававшую в воздухе.

Раиса жила в одной комнате с моей старшей сестрой. После моего приезда в Томск началась наша общая дружба.

Если кто-нибудь заболел, будьте уверены, первой в больницу примчится Раиса. Если какой-нибудь оболтус из группы заваливал сессию, Раиса горячо вразумляла его, совала свои конспекты, просила за него преподавателей.

Трудно было бы подобрать лучший характер для врача-педиатра, чем Раисин. Любовь к медицине у неё была наследственной, доставшейся ей от отца, военного медика.

В доме сестры мы собрались на Пасху с детьми и мужьями. Раиса примчалась из Новосибирска, где была в командировке. И вот она: огненно-рыжие волосы, звонкие жеребячьи трели, сияющие голубые глаза. Я познакомила её со своими детьми. «Хорошо, что они увидят и узнают её, мою чудесную подругу юности», – с теплотой подумала я.

После застолья мы с ней проговорили всю ночь в закутке большой комнаты.

Дома несколько дней спустя сын вспомнил про неё:

- Как её зовут? Таня?
- Раиса.
- Какая-то она нелепая.

МАМА

Мама родилась в тысяча девятьсот двадцать втором году, через пять лет после свержения царя, когда только закончилась Гражданская война. А я родилась за пять лет до полёта человека в космос. Лишь один поколенческий разрыв сделал наши жизни сильно различающимися.

Мама ни разу не прикасалась к клавиатуре компьютера, а я долблю по ней каждый день по много часов.

Мама была учительницей начальных классов, писала очень красивым почерком с грубыми грамматическими ошибками. Свой почерк не могу разобрать даже я сама.

У мамы были длинные белокурые волосы, которые она заплетала в косу, она ни разу в жизни не стриглась и не красилась. А я часто хожу в парикмахерскую – стригу и крашу волосы.

Мама неловко брала в руки сотовый телефон и настороженно слушала его, никакие кнопки на нём она не нажимала. Если я забываю дома сотовый телефон, меня берёт досада, и если вовремя вспомню – возвращаюсь за ним домой.

Мама пережила страшный голод, в котором чудом уцелела их семья. Я стараюсь соблюдать диету и не переедать, чтобы не испортить фигуру.

Мама доила коров, ловко управлялась с хозяйством – курами, утками, гусями, я коров боюсь, даже самых безобидных на вид обхожу стороной.

Она особенно не рассуждала никогда о смысле жизни, много и тяжело работая, я много рефлексировала и прочитала уйму умных книжек.

Мама никогда не оставалась в постели позже семи часов. Мне бывает трудно подняться даже в десять.

Мама никогда не пила никакие лекарства и не держала их в доме, даже в семьдесят лет лечи-

лась «чайком», я пью каждый день БАДы, полезные отвары и настойки, ну и лекарства всякие.

Мама до сорока лет никуда не ездила дальше Кокчетавской области и Петропавловска, я моталась по Союзу от Кавказа до Владивостока.

Я выбрасываю, отдаю мешками ненужные поношенные вещи, не понравившиеся платья и надоевшие кофты. Мама не выбрасывала ничего, бесконечно перешивая, перевязывая отслужившие срок вещи. Один раз она распустила мои шерстяные рейтузы. Нитки выходили очень короткие, не больше двадцати сантиметров, мама скрепляла их узелками и потом связала мне варежки. Вся изнанка их была в узелках. Варежки потеряла, сейчас очень жалею. Это была бы самая лучшая иллюстрация маминого чадобобия. Варежки из шерстяных ниток длиной двадцать сантиметров. Из совсем уже негодных обрезков и лоскутков ткани она ткала дорожки и «кружки» – круглые половички. После смерти мамы в её вещах среди белоснежного постельного белья, запасов чулок и носков я нашла маленький кусочек старого меха размером меньше, чем в пол-ладони. Из него ничего нельзя было сделать, даже если напрячь всю фантазию, но мама не выбросила его. Я положила его на ладошку и расплакалась.

112

Маму некоторые родственники считали жадной. Она была прижимистой. Но лучшее в доме всегда держалось и выставлялось для гостей.

Мама последние пять лет была прикована к постели. Она заплакала только один раз о том, что, вот, берегла каждую копейку для детей, а теперь превратилась в обузу для них. Только об этом она плакала. Не о себе.

Мне иногда казалось, что я не люблю маму: «мы абсолютно разные». И у нас не было с мамой таких, лирических отношений. И я даже один раз сказала это вслух, не ей, конечно. И вот мамы уже нет. И я не могу себе простить, что когда-то глупой девчонкой сказала это. Как можно не любить маму, жизнь которой стала жертвой во имя детей, семьи, укутала теплом, заботой наше детство, дало нам чувство защищённости на всю жизнь? В этом я очень хочу быть похожей на маму.

